Ричард Калис

ОСМАНСКАЯ АНТИЧНОСТЬ

НАСЛЕДИЕ В ДЕКОРАЦИЯХ ВОСТОКА

КоЛибри
Москва

УДК 94(4)"15" + 94(495)"15" + 94(430)
ББК 63.3(4) + 63.3(4Гре)
К17

Richard Calis
THE DISCOVERY OF OTTOMAN GREECE
Knowledge, Encounter, and Belief in the Mediterranean World of Martin Crusius

Опубликовано с согласия
Harvard University Press via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Перевод с английского *Живиле Богун*

Калис Р.
К17 Османская Античность : Наследие в декорациях Востока / Ричард Калис ; пер. с англ. Ж. А. Богун. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 400 с.

ISBN 978-5-389-29944-3

Тюбинген, Священная Римская империя, XVI век. Эпоха религиозной смуты и бесконечных бедствий. Именно в это время профессор древнегреческого языка Мартин Крузий совершает одно из самых необычных географических открытий, притом ни разу не покинув собственный рабочий кабинет. Он составляет удивительно подробный и живой портрет Греции под властью османских султанов, который станет классикой на многие годы.

Выдающийся историк Ричард Калис мастерски восстанавливает историю этого интеллектуального подвига. Опираясь на уникальные источники — архив Мартина Крузия, его исследования, переписки с информантами, маргиналии, — Калис показывает, как в тихом университетском городке зарождается представление о далеком и опасном Средиземноморье, об античном наследии и руинах древней цивилизации, о закате Эллады и европейском ориентализме. Это глубокое исследование того, как из рассказов путешественников, невероятных слухов и личных драм рождается тот чарующий образ Греции, который живет в нашем сознании до сих пор.

УДК 94(4)"15" + 94(495)"15" + 94(430)
ББК 63.3(4) + 63.3(4Гре)

ISBN 978-5-389-29944-3

© President and Fellows of Harvard College, 2025
© Богун Ж. А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

Введение

Тюбинген, небольшой университетский город чуть южнее Штутгарта, расположенный в герцогстве Вюртемберг, в юго-западном уголке Священной Римской империи, стал местом одного из самых необычных открытий XVI века. Это была эпоха затяжной религиозной смуты, резкой глобализации и множества бедствий, вызванных этими историческими событиями. Именно в это лихое время безызвестный ныне профессор греческого языка Тюбингенского университета Мартин Крузий (1526–1607) составил подробнейший труд о Греции под властью Османов.

Не покидая уюта своей ученой обители и никогда не путешествуя, этот глубоко набожный лютеранин провел всю свою жизнь в беспрестанных поисках всего, что связано с Грецией. Будучи первым западным ученым со времен Античности, называвшим себя филэллином, Крузий собрал множество книг по истории Греции и Османской империи, испещрив их поля бесчисленными глубокими комментариями. Благодаря связям и контактам с лютеранами и греками по всему Средиземноморью он накопил одну из богатейших коллекций печатных изданий на новогреческом языке севернее Альп. Вместе со своими учениками и постояльцами он в точности копировал все попадавшиеся ему греческие рукописи, изучая их страницы и переплеты, дабы установить

происхождение и изначальный контекст использования. От имени небольшого кружка лютеран он вовлек в длительную переписку о христианском учении самого константинопольского патриарха. И на протяжении сорока лет Крузий принимал в своем доме в Тюбингене православных греков, которые странствовали по Европе в поисках пожертвований для выкупа захваченных в плен родственников. Профессор подробно расспрашивал гостей об их культуре, языке и религии, пока собранные им сведения не сложились в одно из точнейших отображений греческого мира, красочное и объемное, богатое деталями и впечатлениями. Этот кладезь знаний, ныне в значительной степени забытый, не имел аналогов в свое время, да и в будущем вряд ли найдется что-то подобное. Эдуард Гиббон[1] в своих глубочайших исторических исследованиях опирался на основополагающий труд Крузия об османских греках — «Турко-Грецию» (Turcograecia).

Эта книга повествует о сумасбродном профессоре-лютеранине, посвятившем жизнь исследованию жизни греков в османской действительности. Благодаря на редкость хорошо сохранившимся прямым источникам — девятитомному дневнику Крузия и сотням экземпляров его личной библиотеки — я реконструировал стечение обстоятельств, способствовавших его ученому начинанию. Что сподвигло его заняться этим исследованием? Какие цели он ставил перед собой и что препятствовало его продвижению? Кем были его информанты? Как он собирал данные и как оценивал их достоверность? И как в конечном итоге представил выводы в своих книгах?

В более широком контексте ответы на вопросы о Крузии и проделанной им работе также проливают свет на то, как европейцы раннего Нового времени изучали чужие культуры и религии. Другими словами, эта книга представляет собой

[1] Эдуард Гиббон (1737–1794) — британский историк и мемуарист. Автор «Истории упадка и разрушения Римской империи». — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

контекстуализированное исследование, в фокусе внимания которого находится серия эпизодов того, что мы могли бы назвать социально-культурным познанием. Причем направлено оно как вширь, так и вглубь. Ведь Крузий — уникальный пример для изучения сразу трех феноменов эпохи, которые обычно изучают по отдельности: Реформация в ее глобальном масштабе, культурные и религиозные противоречия в Средиземноморье и расцвет европейской этнографии, вызванный новыми формами взаимодействия народов. Эти явления некогда были единым полем опыта и научного изыскания, и нынешним историкам стоит еще раз взглянуть на них через призму общности.

Я пришел к Крузию как историк, специализирующийся на антиковедении, намереваясь писать о его методе преподавания греческого языка и почти вошедшем в поговорку филэллинизме. Но, погрузившись в бездонный архив ученого в Тюбингене, я наткнулся на совершенно другую историю, которая повела меня в абсолютно неожиданном направлении. Мое собственное путешествие, полное озарений, открыло мне мир, в наше время почти потерянный: здесь религия способствовала развитию науки, а до сих пор не изученные формы мобильности в Средиземноморье превратили пронизанный жесткими гендерными нормами профессорский дом в место международных и межкультурных встреч — ученых, светских и прочих. Подробное рассмотрение ученого быта Крузия в Тюбингене породило глубокие вопросы о том, что значит быть ученым и супругом, учителем и писателем, лютеранином и христианином; что значит быть членом семьи, ученого общества и религиозной общины; в конце концов, что значит жить в период радикальных религиозных реформ и бурной глобализации. Архив Крузия позволил мне увидеть процессы, которые историки, изучающие раннее Новое время, как правило, связывали исключительно со Средиземноморьем и долгой историей империи. Здесь же они происходили при необычных обстоятельствах в одном из уголков Священной Римской империи. Эти источники открыли мне отнюдь

не знакомый мир Ренессанса с его гуманизмом и расцветом классической филологии, а столкновение и взаимообмен религий, ученость и мобильность, семейную жизнь и общительность образованных кругов. Возникла история, раскрывшая переплетение ориентализма и филэллинизма в Европе XVI века, а также показавшая глубокое чувство упадка, сформировавшего интерес европейцев к постклассической Греции. Вся жизнь Крузия, как я постепенно выяснил, опровергает сложившиеся в историографии шаблоны и образцы и не вписывается в узкие рамки современных научных дисциплин.

Таким образом, цель этой книги заключается не только и даже не столько в подробном описании Крузия как ученого. Речь скорее идет о портрете человека, места и эпохи — того, что позволяет нам выстраивать новые связи между географическими регионами и историографическими подходами, по-новому оценить некоторые из великих преобразований той эпохи. История Крузия требует от нас мыслить как глобально, так и локально и, по сути, побуждает критически осмыслить сами параметры, на которых основаны разные масштабы анализа. Чтобы понять, какое отношение Средиземноморье имело к Тюбингену, почему греческое православие было важным для истории лютеранства и как Крузий пришел к изучению культуры османской Греции, мы должны рассмотреть, как подобные ему исторические деятели воспринимали эти взаимоотношения. Сфокусировав исследование на жизни и быте профессора, жившего в раннее Новое время, мы, таким образом, значительно расширим свой кругозор.

Лютеранский профессор древнегреческого языка

Кем был Крузий? Ничто в его ранние годы не предвещало того, что мальчику уготовано стать кем-то большим, нежели скромным лютеранским проповедником, тем более выдающимся

профессором греческого языка и признанным специалистом по османской Греции. Родился он в 1526 году в Греберне близ Бамберга, на территории современной Баварии, в скромной семье [1]. Мартин Краус, его отец, происходил из портных и пивоваров, мать Мария Магдалена Труммер — из торговцев и ремесленников. Насколько Крузий смог проследить свою родословную по материнской линии, никто из его предков университетских степеней не имел [2]. Будущий ученый рос в расколовшемся надвое мире: его отец, священник, принявший лютеранство, после того как услышал речи Лютера в Виттенберге, в течение первых тревожных десятилетий Реформации был вынужден часто переезжать вместе с семьей с места на место. В конце концов семья обосновалась в Вюртемберге, после того как герцог Ульрих узаконил протестантское движение на своей земле.

Там судьба Крузия круто переменилась: полученные стипендии позволили ему поступить в гимназию в Ульме, свободном имперском городе, а затем в знаменитую протестантскую гимназию Иоганнеса Штурма в Страсбурге, где он получил самое передовое на тот момент гуманитарное образование, особенно преуспев в изучении древнегреческого. Однако его родители сильно пострадали от рук испанских солдат-католиков и едва не погибли во время Шмалькальденской войны (1546–1547), разразившейся вскоре после того, как Крузий отбыл в Страсбург. Не желая принимать Аугсбургский интерим[1] и не имея права открыто исповедовать лютеранство, в 1548 году его родители переехали в Нюрнберг. Юноша тем временем завершил свое образование.

Повзрослев, Крузий устремился на поиск достойного применения новообретенным знаниям. Он начал с профессии

[1] Аугсбургский интерим, или временное постановление — указ императора Священной Римской империи Карла V, изданный в 1548 году после победы войск католиков в Шмалькальденской войне, который предписывал протестантам признать главенство папы римского и был откровенно прокатолическим.

педагога: работал частным учителем и преподавателем в гимназии Штурма, а с 1554 года занял вакантную должность ректора латинской школы[1] в Меммингене, частично для того, чтобы обеспечить недавно овдовевшую мать [3]. Первые плоды его научного труда — учебники латинской и древнегреческой грамматики, впоследствии принятые в школах по всему Вюртембергу, принесли ему большую известность, а в 1559 году — и должность в Тюбингенском университете. Его пригласили преподавать речи Цицерона и риторику Меланхтона[2], но вскоре добавился и греческий [4]. Здесь, в Тюбингене, Крузий останется до конца жизни.

Этот уголок Священной Римской империи предлагал благочестивым молодым лютеранам вроде Крузия — не получившим университетского образования, но страстно жаждущим своей ученостью служить Священному Писанию, — подходящую экосистему для организации интеллектуальной жизни. Тюбингенский университет, основанный в 1477 году, привлек внимание некоторых наиболее выдающихся ученых предыдущих поколений, в том числе Филиппа Меланхтона, а до этого — его двоюродного деда Иоганна Рейхлина, знаменитого грециста и гебраиста, так страстно защищавшего изучение еврейского языка, что вызвало заметное напряжение в начале XIV века. Ко второй половине столетия Tübinger Stift — знаменитая богословская семинария для подготовки протестантских пасторов, среди выдающихся выпускников которой были Кеплер, Гёльдерлин и Гегель, — и реформатский теологический факультет университета превратили Тюбинген в настоящий оплот лютеранства. Едва ли во всей

[1] Латинские школы — это учебные заведения (начальные и повышенного типа) с обучением на латинском языке. Возникли в Европе на рубеже X века. В XIV–XVI веках стали подготовительной ступенью к обучению в университете, позже переформировались в гимназии.

[2] Фи́липп Меланхтон (1497–1560) — немецкий гуманист, теолог и педагог, евангелический реформатор, систематизатор лютеранской теологии, сподвижник Лютера.

Священной Римской империи можно было найти еще один город, возможно, за исключением Виттенберга, который мог бы соперничать с Тюбингеном за звание истинного хранителя наследия Лютера.

Крузий принимал активное участие в интеллектуальной и религиозной жизни Тюбингена. Он посещал местную коллегиальную церковь, Stiftskirche, восемь раз был деканом факультета, еще чаще занимал административные должности. С самого начала он совмещал профессорство на факультете искусств с должностью главы Collegium Illustre[1]. Так называлась академия, основанная в 1559 году герцогом Кристофом Вюртембергским, который продолжил обширные образовательные и религиозные реформы отца. Она готовила молодых людей для государственной службы, которые жили и питались у главы академии, а также получали стипендию[2]. Став первым ректором академии, Крузий — который был трижды женат и имел пятнадцать детей — смог создать себе образ главы ученой и благочестивой семьи: профессура того времени все чаще выбирала такой имидж для формирования своего публичного образа и укрепления социального статуса.

Крузий всю жизнь страстно любил Грецию. Он преподавал древнегреческую грамматику и поэзию почти пятьдесят лет, причем с огромным успехом: его комментарии к Гомеру пользовались такой популярностью, что университету пришлось снести стену в аудитории, чтобы вместить всех студентов, записавшихся на этот курс. Крузий также был новатором: по его собственным словам, он был первым, кто начал преподавать новогреческий, или народный греческий, на латинском

[1] «Сиятельная коллегия» (*лат.*). — *Прим. ред.*

[2] В этом учебном заведении при дворе герцога Вюртембергского обучались не просто молодые люди, а выходцы из протестантских дворянских семей. Особенность обучения заключалась во всестороннем развитии подопечных — преподавались не только интеллектуальные дисциплины, но также танцы, фехтование и верховая езда. Коллегия существовала с 1559 по 1688 год. — *Прим. ред.*

Западе. Его обширная личная библиотека — до наших дней сохранилось около семисот экземпляров — содержала тексты, относящиеся ко всем периодам истории Греции: от древних трагедий до византийских летописей, от трудов греческих отцов церкви до житий средневековых святых. Он записывал в дневник каждую новость о Восточном Средиземноморье, доходившую до Тюбингена, наряду с поступавшими из тех регионов предметами, включая монеты, картины и другие подарки. Крузий обменялся десятками писем с высокопоставленными православными священнослужителями-греками, живущими в Венеции и Стамбуле. И он искренне дорожил этим общением: даже назвал дочь Теодорой в честь одного из греков, с которым долго переписывался, а однажды написал: «Можно с полным правом сказать, что [я] опьянен любовью ко всему греческому» [5].

Свои изыскания Крузий вел, ориентируясь на то, что тогда считалось одним из самых драматичных событий мировой истории: падение Константинополя в 1453 году. Профессор поминал это событие, хотя и не знал в точности, когда именно оно произошло, а заодно и его последствие — появление Османов на политической арене [6]. Стремительное продвижение турок в Венгрию и Австрию в конце XVI века вызывало сильную тревогу у всего западного христианского мира, особенно в Италии и германских землях Священной Римской империи. В проповедях, листовках, брошюрах и многих трактатах, посвященных «турецкой угрозе» (Türkengefahr), авторы раннего Нового времени сообщали об очевидной опасности христианскому образу жизни, исходившей от османов. Эта фигура речи сформировала доминирующий нарратив об инаковости, в котором турки предстали как естественные враги христианского мира. Это имело длительные последствия: идея так называемого столкновения цивилизаций по сей день продолжает занимать воображение общества [7]. Именно в таком мире Крузий старался задокументировать то, что осталось от греческой цивилизации.

Однако сам ученый никогда не бывал в стране, которую столь ревностно изучал. Возможно, его удерживал экзистенциальный страх перед турками. Но есть и более приземленное объяснение: преподавательская деятельность в университете и обязанности главы ученого дома не позволяли ему покинуть Тюбинген, чтобы увидеть любимую Грецию своими глазами. В этом смысле его филэллинизм резко отличался от чувств деятелей XIX века, таких как лорд Байрон, для которых путешествия по Греции, а позднее даже участие в войне за ее независимость были центральным элементом их романтического эллинизма. И все же, как мы потом увидим, эти досконально исследованные корифеи разделяли со своим забытым предком особый взгляд на Грецию как на отражение своих собственных чувств и убеждений.

Крузий был плодовитым писателем, считавшим свою ученость божьим промыслом. Однако он, как и многие начинающие авторы того периода, значительно переоценил ожидаемые продажи своих книг. «Турко-Греция» (Turcograecia), его фундаментальный труд об османской Греции, вышла в Базеле в 1584 году. Ее читали такие выдающиеся ученые, как Жозеф Жюст Скалигер[1], а позднее и Эдуард Гиббон, — ради уникальной информации об этом слабо документированном периоде греческой истории. Увы, книга продавалась плохо. В 1585 году за ней последовала «Германо-Греция» (Germanograecia) — образчик плодов, которые, по мнению автора, принесли исследования греческого языка и культуры в Германии. В кругу специалистов, в частности, среди региональных историков, Крузий сегодня известен благодаря «Швабским анналам» (Annales Suevici), изданным в 1595–1596 годах: это внушительная по объему хроника Швабии

[1] Жозе́ф Жюст Скалиге́р (1540–1609) — французский гуманист-филолог, историк и воин, итальянец по происхождению, издатель и комментатор античных текстов, автор книги «Об исправлении хронологии», основополагающего труда научной хронологии.

в трех частях, которая остается одним из главных источников по истории этого региона в XVI веке. Автор, однако, с трудом нашел для нее издателя. Своим главным вкладом в книгопечатание он считал проповеди, собранные в Corona Anni[1] (1602–1603), но совершенно неизвестно, достигла ли книга когда-либо своей целевой аудитории (православных греков, живущих в Средиземноморье). Гуманист посвятил много лет написанию комментариев к эпосам Гомера, которого, по его искреннему убеждению, никто не мог истолковать лучше него. Однако опубликованы были только примечания профессора к первым двум песням «Илиады», и то посмертно. Продать удалось лишь треть тиража. Только учебные грамматики, написанные для учеников в 1550-х годах, действительно имели коммерческий успех, благодаря чему Крузий получил должность в Тюбингене. Чувствуя приближение смерти, гуманист постоянно молился о том, чтобы его последние труды нашли читателей. «Господи, дай мне прожить как можно дольше, — вздыхал он, — чтобы я смог завершить свою работу, которую хочу начать во имя Твое. После этого ты можешь забрать меня с миром» [8].

Крузий умер в 1607 году. На его могиле в коллегиальной церкви Тюбингена высечена эпитафия, которую он сам же и сочинил. По сей день она служит свидетельством как его любви к Греции, так и лютеранских убеждений: «Здесь лежу я, Мартин Крузий, который преподавал греческий в Тюбингене и верил только в тебя, Христос». Именно таким Крузий запомнился коллегам и современникам: надгробная речь, произнесенная Файтом Мюллером и впоследствии опубликованная тюбингенским печатником Георгом Группенбахом, повторяет эпитафию и представляет Крузия образцом греческой учености и ярым защитником лютеранской веры [9].

Крузий широко известен в кругах специалистов. Успех в преподавании греческого языка, самопровозглашенный

[1] «Венец года» (*лат.*). — *Прим. ред.*

филэллинизм и переписка, которую он и другие тюбингенские лютеране вели с патриархом Константинопольской церкви, привлекли внимание византинистов, теологов и историков, изучающих интеллектуальную жизнь в Германии раннего Нового времени [10]. Его громадный дневник, отдельные части которого были тщательно отредактированы и опубликованы в четырех томах в начале XX века, часто называют исторической сокровищницей [11]. Однако, как это ни странно, о нем самом, человеке столь удивительном, не написано ничего — если не считать надгробную речь Мюллера. Нет ни одного детального исследования жизни и научной деятельности Крузия. Поэтому в следующих семи главах этой книги как сам исследователь, так и его труды предстанут в контексте интеллектуальной культуры раннего Нового времени и масштабных преобразований, охвативших Европу того периода. Каждая глава освещает один из аспектов того, как Крузий «открывал» османскую Грецию. Эти аспекты относятся ко множеству историографических традиций, которые иногда пересекаются, но в основном развиваются каждая сама по себе. В этом смысле книга охватывает сразу три области ранней Новой истории, которые, если смотреть глазами тюбингенского профессора Крузия, переплетены друг с другом намного сильнее, чем мы до сих пор предполагали.

Взгляд на историю Средиземноморья издалека

В начале Нового времени европейцы столкнулись с культурными и религиозными различиями в беспрецедентных масштабах и с далекоидущими последствиями. Путешественники странствовали по миру, часто в рамках колониальной экспансии, и описывали встреченных ими людей, выстраивая из цивилизаций и народов иерархию по критериям цивилизованности и дикости, которая оказалась настолько

устойчивой, что жива в нашем обществе и по сей день в виде расовых предрассудков. Рассказы вернувшихся домой получали невиданное прежде распространение, благодаря как печатным станкам, так и письменным книгам. Знания о разных мусульманских династиях побуждали европейцев делать сравнения и стимулировали их к изучению исламского мира, чему в немалой степени способствовало постоянно растущее количество арабских и других «восточных» рукописей в библиотеках по всей Европе. Христианские ученые вопреки конфессиональным разногласиям изучали иудаизм и множество документов на еврейском языке— от комментариев раввинов до Вавилонского Талмуда — с невиданной прежде тщательностью, а иногда даже беседовали (или утверждали, что беседовали) с информантами-иудеями. Документальные свидетельства из таких невообразимо далеких от Европы мест, как Китай и американские континенты — как в реальности, так и в сознании человека того времени, — спровоцировали эпистемологический кризис, что привело к размытию и последовавшему обрушению старых структур познания и появлению новых, несмотря на то что ученые изо всех сил стремились отстоять богооткровенную религию.

Средиземноморье раннего Нового времени издавна считалось благодатным местом для подобных межкультурных исследований. Будучи родиной великих древних империй — от ассирийцев до римлян — и колыбелью трех авраамических религий, этот регион привлекал критическое внимание ученых, интересующихся многовековой историей контактов и взаимных обменов. Исследованный с разных сторон — как контактная зона, общий мир, место гибридности, парадигма взаимосвязи и циркуляции людей, идей и товаров, — регион Средиземного моря рассматриваемого периода вновь предстал в последние годы как безграничное пространство, в котором взаимодействовали представители самого разного культурного, этнического, лингвистического и религиозного происхождения [12].

Как ни странно, в новой научной литературе османская Греция почему-то не фигурирует в качестве точки культурных контактов. Специалисты признают, какой отпечаток на жизнь греков под властью турок наложили подвижность, текучесть, культурное и религиозное разнообразие. Тем не менее греческий элемент в османо-европейских отношениях не часто оказывается в центре внимания ученых [13]. Это упущение отчасти вызвано разделением дисциплин: современные востоковеды, исследующие раннее Новое время, сосредоточились на взаимодействии европейских ученых с арабским, персидским и турецким материалами, а также с разными исламскими народами. Из-за этого интерес гуманистов к греческому — языку, который востоковеды нередко изучали как дополнительный инструмент в своих исследованиях мусульманского мира — остался уделом историков интеллектуальной культуры Ренессанса. Но историки гуманизма, в свою очередь, редко обращают внимание на греческую ученость в рамках Османской империи. Османисты, со своей стороны, особенно те, кто занимается Османским государством и работает с официальными документами в архивах Стамбула, не часто обращаются к специальной литературе об османских греках, которую пишут греческие ученые.

Однако это упущение имеет гораздо более глубокие корни: уже в начале Нового времени греки с трудом поддавались классификации. Европейцы, но входят в Османскую империю, христиане, но принадлежат к православной традиции — восточной, если судить с позиции их братьев католиков и протестантов. Но все же они не настолько принадлежали Востоку, как мусульмане: веками почитаемые европейцами за свою древнюю историю, к XVI веку греки превратились в народ без своего государства и даже без дома. Так что в глазах остального западного христианского мира они идеально подходили под понятие «свой — чужой». Как это ни парадоксально, Греция раннего Нового времени любопытным образом оказалась вне поля зрения именно потому, что занимала

пограничное положение, которое с таким успехом восстановили недавние исследования Средиземноморья.

Тщательное изучение трудов Крузия позволяет объяснить, как Греция оказалась пограничной территорией в западном представлении. Из записей профессора явствует, каким образом его информанты — как разношерстная группа странствующих по Европе греков, так и православная церковная элита, — передавали сложные представления о культурных различиях, которые, в свою очередь, непосредственно повлияли на представление лютеран, подобных Крузию, о многочисленных народах, населявших Османскую империю: в своей «Турко-Греции» он приходит к выводу, что «Греция была отуречена», а сами греки впали в грехи и суеверия. Поначалу подобные выводы выглядят как стереотипы, основанные скорее на предположениях, чем на фактах. Но внешность обманчива: такие заявления следует рассматривать не только как тенденциозные и лишь частично отражающие действительность, но и как обоснованную — хотя и ошибочные по нашим стандартам, — интерпретацию фактов, требующую более тщательного анализа. Чувство культурного и религиозного превосходства, которое испытывал Крузий, не было отражением извечного презрения к «Востоку». Это был ошибочный, но в любом случае неизбежный результат его взаимодействия с этим миром на протяжении всей жизни: в «Турко-Греции» и уж точно во всех дневниках Мартин Крузий не только воспроизводил визуальные и текстуальные доказательства развития греческой церкви, но и предоставил множество свидетельств очевидцев о страданиях и притеснениях греков под гнетом османов.

Фокус внимания на роль православных греков в создании этих образов показывает, что они сами способствовали возникновению бинарного противопоставления Запад — Восток, которое не дает адекватного описания их жизни. События, о которых рассказывали Крузию греки, действительно происходили, но трактовали их рассказчики таким образом,

чтобы они совпадали с ожиданиями профессора о жестокости османского правления. Другими словами, субъективное восприятие некоторых греков в корне определило представления Крузия. И такое самоосознание греков повлияло на то, как этот период истории их страны запомнился на века: долгое время считалось, что *туркократия*[1] была эпохой подавления и порабощения, в течение которой греки жестоко страдали от рук турок-османов. Связь Крузия с османской Грецией позволяет по-новому взглянуть на парадокс, лежащий в основе многих работ, посвященных культурным и религиозным различиям: люди, подобные Крузию, возможно, были предвзятыми, но их точно нельзя назвать неосведомленными. Образы и стереотипы, которые западные люди накладывали на другие народы, могли основываться на опыте самих этих народов.

В этом смысле интерес Крузия к региону не следует воспринимать как культурную открытость, хотя сам он всегда подчеркивал свои благие намерения. Пристальное изучение системы верований, почти неизвестной профессору, не позволило ему взглянуть на них со стороны, независимо от его собственных религиозных убеждений. Напротив, оно только укрепило конфессиональные разграничения. Карина Джонсон утверждала, что во второй половине XVI века в мире, раздираемом конфессиональными разногласиями, «приверженность к правильной религиозной доктрине стала не просто конечной, но самой главной и обязательной оценочной категорией культуры или народа». Религиозный релятивизм и «категории вовлеченности», как показывает Джонсон, постепенно уступили место формированию четкой культурной иерархии, поскольку конфессиональные границы были пересмотрены и ужесточены [14]. Отношение Крузия к эллинскому миру в конечном счете также осталось неоднозначным. Он неоднократно выражал свою, казалось бы, неизменную

[1] Τουρκοκρατία — власть турок (*греч.*). — *Прим. ред.*

любовь ко всему, что касается греков, только для того, чтобы в других случаях посетовать на их православную религиозную практику и подчеркнуть недостатки их культуры. Но лютеранские убеждения не только затуманивали проницательный взгляд ученого на Грецию под властью османов — они еще и обогатили его. [15] Именно религиозные симпатии стимулировали его вести свои исследования в самых неожиданных направлениях: *поскольку* его любимая Греция «отуречивается» и *поскольку*, по его мнению, Константинопольская церковь сбилась с единственно верного пути, профессор счел необходимым задокументировать этот переходный момент во всех его аспектах.

Таким образом, благодаря усилиям тюбингенского ученого, чья страсть отражает нашу собственную увлеченность Средиземноморьем как местом встречи и слияния культур, мы можем ответить на призыв историков региона вернуть акцент на эту географическую единицу «как образец дискурсов о культурных различиях раннего Нового времени» [16]. Заметки Крузия позволяют нам расширить область изучения Средиземноморья, включая в нее события, которые, возможно, происходили за его пределами, но тем не менее были его неотъемлемой частью. Этот взгляд издалека, момент, когда это взаимодействие получило академическую «прописку», помогает нам представить то, что французский историк Фернан Бродель когда-то назвал «Средиземноморьем историка», как и все разнообразие того, что Перегрин Хорден и Николас Пёрселл недавно назвали «расширенным хинтерландом»[1] (extended hinterlands) [17]. Французский философ Рене

[1] Хинтерланд — внутренняя, тыловая территория (*нем.*) — внутренняя территория, прилегающая к порту, промышленному центру или крупному городу, обеспечивающая его экономику сырьем и рынком сбыта, а в более широком смысле — глубинку, тыловые, малоразвитые земли. Впервые этот термин использовал в 1888 году шотландский географ Джордж Чисхолм для описания экономически связанного с портом региона. — *Прим. ред.*

Декарт, выступая против учения гуманистов, как известно, заявил, что человеку не нужна история, потому что он может сам путешествовать и знакомиться с книгой мира. Крузий, напротив, не нуждался в физических путешествиях, поскольку пользовался в своих исследованиях инструментами гуманистической науки.

Этнография и история встречи культур

Крузий был, по сути, этнографом, и его труды относятся к более широкой истории этнографических исследований раннего Нового времени, которую историки с таким трудом реконструировали в течение последних трех десятилетий [18]. Как и другие этнографы того периода, Крузий пытался разобраться в чуждой ему культуре и религии. В своих изысканиях, которые не так уж сильно отличаются от других этнографических работ того периода, он описывал и классифицировал этническое разнообразие, оперируя яркими, устойчивыми образами жизни греков во время османского владычества. Точно так же, как ранние историки американских цивилизаций описывали бурную культурную и религиозную жизнь народов, с которой они столкнулись в Новом Свете, — иногда с изумлением, иногда с ложным чувством культурного превосходства, — так и Мартин Крузий, удивленный тем, что греческая церковь смогла уцелеть, разочарованный суеверностью ее практик и подавленный разрушением античных городов, старался составить наиболее полное представление об эллинском обществе при османах. Точно так же, как миссионеры-иезуиты в Китае изучали местные традиции исключительно в целях обращения в свою веру, лютеранин внутри Крузия мечтал, что его научный труд когда-нибудь приведет православных греков в лоно протестантской церкви. Наравне с землями на другом конце света османская Греция считалась неизведанной, но многообещающей территорией.

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

КАЛИС Ричард

ОСМАНСКАЯ АНТИЧНОСТЬ

НАСЛЕДИЕ В ДЕКОРАЦИЯХ ВОСТОКА

Ответственный редактор *Марьяна Терехова*
Выпускающий редактор *Лиза Солодовникова*
Художественный редактор *Ольга Жукова*
Технический редактор *Лидия Синицына*
Корректоры *Светлана Луконина, Полина Шевнина*
Верстка *Виктор Демин*

В оформлении обложки использованы иллюстрации
Джеймса Стюарта и Николаса Реветта (1751 г.) и тугра Сулеймана I

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.09.2026.
Формат 60 × 88 1/16. Гарнитура «Original Garamond».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,5.
Тираж 1500 экз. M-HIS-39091-01-R. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА»
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,
БЦ «Регул», 2-й этаж
Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қаласындағы
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербор,
Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: https://certification.atticus-group.ru/.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+